

ХАНС-ДИТЕР ГОНДЕК

О переводе философских текстов и о философских теориях перевода^{1 2}

Предисловие

В дальнейшем, когда речь пойдет о теориях перевода, главным образом философского происхождения, моей исходной и отправной точкой станет не теория языка и перевода, а сам перевод. А точнее — не топос «перевода», который обладает множеством значений и различных употреблений, а перевод (*die Übersetzung*) или «переведение» (*das Übersetzen*) как деятельность по *производству* текста, продукта, который можно *считать* переводом какого-то текста с другого языка. Таким образом,

¹ Данный текст является переработанным вариантом доклада, представленного 10 октября 1998 года на немецко-итальянском симпозиуме «Перевод: эпистемологические, философско-языковые и культурно-философские аспекты» в Бременском университете. Опубликовано в: *Das Problem der Übersetzung. Le problème de la traduction*. Günther Abel (Hg.). Berlin Verlag. 1999. S. 101–126.

² Оригинальное название доклада — «Über das *Übersetzen* philosophischer Texte und über philosophische Theorien der *Übersetzung*» — различает термины «*das Übersetzen*» и «*die Übersetzung*», которые в приведенном тексте в большинстве случаев (кроме тех, что снабжены комментарием) переводятся как «перевод». Первый из них носит процессуальный характер, указывает на переводческую деятельность. Второй обозначает результат этой деятельности — перевод как готовый продукт. Слово «переведение» существовало и ранее в русском языке, теперь же является устаревшим. Изначально оно происходит от глагола «перевести» в смысле «переместить из одного места в другое, расположить в другом месте». Именно поэтому мы считаем адекватным перевод немецкого отглагольного «*Übersetzen*» (означающего в первом смысле «переправу», «переезд», «перевозку») русским отглагольным «переведение». В дальнейшем мы будем использовать его в местах, где необходимо подчеркивание процессуального момента в слове «перевод». — *Прим. пер.*

речь пойдет о «межъязыковом переводе», о «переводе в собственном смысле слова», как его называет Роман Якобсон, отграничивая, с одной стороны, от «внутриязыкового перевода, или *переименования*» и, с другой, — от «межсемиотического перевода, или *трансмутации*»³. Сама необходимость говорить о «переводе в собственном смысле слова», когда имеется в виду перевод с одного (национального) языка на другой, — показывает, под какое инфляционное давление попало понятие, а может быть и само дело перевода.

Я хотел бы вывести из этого отношения к своей задаче⁴ существенные для философского понятия языка и перевода следствия, протекающие из перевода как такового, и сформулировать требования к теориям перевода. Этот шаг сам по себе содержит инверсию: ибо до сих пор философия языка (в конечном счете — вся философия, потому что любая философия является философией языка) формулировала требования к переводу, ставя перед ним в большинстве случаев возвышенные цели. Что я не считаю нелегитимным, а я действительно не считаю это нелегитимным, — это когда целевые «предзаданности», как у Бенямина, совершенно не зависят от того, могут ли они вообще быть воплощены переводчиком⁵. Проблематичным это становится тогда, когда эти целевые предзаданности происходят не столько из самой переводческой деятельности, сколько из теоретических конструкций и допущений, которые предваряют перевод и совершенно не могут быть им достигнуты. У Вальтера Бенямина это некий мессианизм, — пусть надломленный и извращенный, — который имеет в виду перевод с точки зрения его «осуществления», «примирения»; у Хайдеггера — это посыл бытия (*Seinsgeschick*), способ, которым бытие берет также в расчет и *нас*, заботится о своего рода пред-посредничестве,

³ Ср. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 17. На необходимость перевода внутри своего языка указывал еще Фридрих Шлейермахер (*Шлейермахер Ф. О разных методах перевода // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 2*).

⁴ Которая включает в себя не только перевод по заказу издательств или журналов, но и, например, рецензирование переводов и докладов по теории перевода. Ср. мою попытку сравнить два перевода исходя из теоретико-политических предпосылок, в частности переводы доклада «Логос» Мартина Хайдеггера Жаком Лаканом и Андре Прео: *Logos und Übersetzung. Heidegger als Übersetzer Heraklits — Lacan als Übersetzer Heideggers // A. Hirsch (Hg.), Übersetzung und Dekonstruktion. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1997*.

⁵ Ср. связь между примером незабываемого, которое действительно и тогда, когда вроде бы все люди должны были его забыть, потому что оно включает в себя «память Бога», и требованием перевода, который создает произведение из самого себя: «Следовательно, переводимость языковых форм имеет смысл рассматривать и тогда, когда людям они представляются непереводаемыми» (*Бенямин В. Маски времени: эссе о культуре и литературе = Masken der Zeit: Essays zur Kultur und Literatur / Пер. с нем. и фр.; сост., предисл. и примеч. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 29*).

делающем *переправу* на берег греческого не путешествием в неизвестность, а тем, что должно позволить нам «мыслить более по-гречески, чем сами греки»⁶.

От переводческой практики к теории перевода

Еще раз: подобные целевые предзаданности не являются незаконными *per se*⁷. Но для того, чтобы их можно было плодотворно обсуждать и при случае использовать в переводе, они должны быть возвращены в теоретический контекст, из которого и произошли. Что *en détail*⁸ представляет собой колоссальную проблему, даже что касается статьи Вальтера Беньямина. Так что я не буду противопоставлять серьезным теоретическим требованиям, выдвигаемым перед переводом (и на которые сегодня налагается еще и проблема чужого опыта как отношения принятия и восприятия чужого, другого *как другого*⁹), голую эмпирию перевода, где эти требования в очередной раз не соблюдаются и терпят крах, порой уже потому, что в дурной эмпирии повседневных переводов — в том числе, и в особенности, гуманитарной литературы — нарушаются самые элементарные требования тщательности, точности, скажем кратко: качества. Впрочем, от этого слишком легко отделяются, исключая эту тему из области философской деятельности как вызванную внешними «социальными» условиями и препоручая «социологии», «социологическим исследованиям» размышлять о статусе и образе переводчика, о социальном уважении — или неуважении — к нему. Это вопросы оплаты переводов, внимания к переводчикам и переводам, то есть уважения, но и неуважения и даже пренебрежения по отношению к переводчикам; какое место принадлежит имени переводчика в выходных данных переведенного произведения, в каталоге, в списке цитированной литературы или в цитатной ссылке?¹⁰ Эти вопросы составляют поле обсуждения со всеми теми, кто принимал участие в создании книги: автор, издатель, редакторы, а далее критики, которые в своих суждениях о стиле и читабельности переведенной книги порой имеют на-

⁶ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 53: Hölderlins Hymne «Der Ister». Fr.a.M.: Klostermann, 1984. S. 100.

⁷ Сами по себе (лат.) — *Прим. пер.*

⁸ Конкретно, в частности (фр.) — *Прим. пер.*

⁹ Ср., напр., Heidegger M. Das Eigene im Fremden: Martin Heideggers Begriff der Übersetzung // Alfred Hirsch (Hg.). Übersetzung und Dekonstruktion...

¹⁰ В англосаксонских странах, по меньшей мере в научных публикациях, давно и с успехом практикуется помещение переводчиков в выходных данных и на титульном листе, порой даже на обложке книги, а при цитировании — указание, что произведение было переведено и кем. В немецком языковом пространстве издательство, публикующее важные произведения (как мы увидим далее) мыслителя Жака Деррида, также вовлеченного в вопросы теории перевода, отказывается от указания имени переводчика на титульном листе (если только переводчику не удастся принудить редакцию к этому).

хальство — я просто слишком хорошо это знаю — приписывать высокое качество автору оригинала (который они, вероятно, вообще не брали в руки), как будто не догадываясь, что и из плохо написанного текста можно наколдовать хороший и даже очень эlegantный перевод. (Признаю, что чаще все происходит наоборот.) В любом случае в этой сфере случаются вещи, способные привести некоторых в ужас: ведь здесь процесс перевода происходит под давлением таких эмпирических условий (речь идет прежде всего о так называемой гуманитарной сфере), в которых хорошие переводы просто не могут возникнуть (если предположить, что мы имеем дело с рационально-расчетливыми, стремящимися к собственной выгоде и благополучию субъектами). Правда, они ими — к счастью, а может и к несчастью — не являются. Ибо любой поиск, любые розыски всего одной неточно указанной цитаты являются неоплаченной переработкой, которую переводчик выполняет исходя из особого рода идеализма.

По моему мнению, самый громкий скандал здесь состоит в том, что дурной перевод почти не вызывает никакого скандала. Существует перевод книги Жака Деррида о Гуссерле «Голос и феномен»¹¹, о котором я берусь утверждать, что он целиком и полностью испорчен и что переводчик своей работой просто доказывает, что он не владеет в достаточной мере французским языком и не обладает даже минимальными знаниями Гуссерля, чтобы быть способным перевести книгу о нем. Приведу лишь три особо вопиющих примера: «chair», плоть или тело, путается с омонимичным, но немного по-другому пишущимся словом «chaîr» — с немым «е», — то есть «престолом», «креслом» или также «кафедрой», и из «chair transcendental», *трансцендентального тела* получается «трансцендентальная кафедра»¹². Этот не лишенный ориги-

¹¹ Derrida J. La voix et le phénomène. Introduction au problème du signe dans la phénoménologie de Husserl, Paris: PUF, 1967; Нем.: Die Stimme und das Phänomen. Ein Essay über das Problem des Zeichens in der Philosophie Husserls. Übers., Vorwort von Jochen Hörisch. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1979. Уже одним переводом подзаголовка сказано достаточно: с каких это пор «Introduction» уподобляется «эссе», а «phénoménologie» бесцеремонно приравнивается к «философии»?

¹² Ibid. P. 15 (66 — здесь и далее в скобках указаны страницы немецкого издания). И это несмотря на то, что Деррида сам приводит упоминаемые немецкие термины, в частности «Körper» и «Leib». Однако Хёриш, кажется, не понимает, что Деррида таким образом сам совершает переводческий акт, так как он переводит «corps» тоже вопреки контексту как «труп» (что вполне может означать «corps», но только в соответствующих контекстах) и переводит «chair», которое традиционно передается для различению «corps» / «Körper» во французских переводах Гуссерля как раз через «Leib», при следующем упоминании как «Fleisch» (что «chair» на самом деле «обычно» и обозначает, но опять же не в контексте французских переводов Гуссерля). Чтобы распутать созданную таким образом неразбериху, я привожу соответствующий пассаж в оригинале и в переводе:

«Car ce n'est pas à la substance sonore ou à la voix physique, au corps de la voix dans le monde qu'il reconnaîtra une affinité d'origine avec le logos en général, mais à la voix phénoménologique, à la voix dans sa chair transcendante, au souffle, à l'animation

нальности топос можно также найти в диссертациях на эту тему¹³. Там в процессе обратного немецкого перевода (а ведь ничего другого здесь и не требовалось), или скорее его неудачной попытки, «attitude naturelle», *естественная установка*, превращается в «видимость природного»¹⁴, а *трансцендентальная редукция*, «la réduction transcendantale», – в «трансцендентальную речь»¹⁵. Последнее предположительно объясняется не-

intentionelle qui transforme le corps du mot en chair, qui fait du *Körper* un *Leib*, eine *geistige Leiblichkeit*. La voix phénoménologique serait cette chair spirituelle...»

«Потому что не в звуковой субстанции [sic! звуковой субстанции] или в физическом голосе, не в теле речи в мире, которую Гуссерль признает как подлинную родственность логосу вообще, но в голосе, феноменологически взятом, в речи в ее трансцендентальной кафедре, в дыхании, интенциональном оживлении, которое превращает тело мира в плоть (Fleisch) [sic! Семиозис как пресуществление и одновременно воскресение], создает из «Körper» (тело) – «Leib» (плоть), «geistige» «Leiblichkeit» («духовную» «плоть»). Феноменологический голос и есть эта духовная плоть (Fleisch)...».

Вот как этот отрывок переведен на русский язык: «Ибо *phone* не в звуковой субстанции или в физическом голосе, не в теле речи в мире, которую Гуссерль признает как подлинную родственность логосу вообще, но в голосе, феноменологически взятом, в речи в ее трансцендентальной плоти, в дыхании, интенциональном оживлении, которое превращает тело мира в плоть, создает из *Körper* а *Leib*, а *geistige Leiblichkeit*». Здесь: из корпуса плоть, духовную телесность (нем.) – *Прим. пер.* (*Деррида Ж.* Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля / Пер. с фр. С. Г. Калининой и Н. В. Сулова (Сер. Gallicinium). СПб.: Алетейя, 1999. С. 27). Стоит отметить, что данный перевод выполнялся не с французского оригинала, а с английского перевода. Чуть более точный перевод может быть таким: «Ибо он будет признавать исходное родство логоса не со звучащей субстанцией, не с физическим голосом, телом голоса в мире, а с голосом феноменологическим, с голосом в его трансцендентальной плоти, с дыханием, интенциональным воодушевлением, которое преобразует тело слова в плоть, которое превращает *Körper* в *Leib*, некую духовную плотскость. Феноменологический голос будет тогда этой духовной плотью» (*Пер. С. Фокина*). – *Прим. пер.*

¹³ Ср. *Völkner P. Derrida und Husserl. Zur Dekonstruktion einer Philosophie der Präsenz.* Wien: Passagen, 1993. S. 20. Вместе с тем это также дает возможность признать, что немислимый для старых филологов прецедент написать академическую работу диссертационного типа об авторе, которого не можешь или не хочешь прочесть на его родном языке, является все более приемлемым в гуманитарных науках, особенно если речь идет об «актуальных» авторах. Ср. особо вопиющий (также и по своим следствиям) случай: *Gondek H.-D., Hofmann R. Schlußstrich. Chronologische Dokumentation // RISS. Zeitschrift für Psychoanalyse. Freud. Lacan. 15. Jg. 1998. Nr. 42.*

¹⁴ *Derrida J.* Op. cit. S. 88 (135): «Considéré d'un point de vue purement phénoménologique, à l'intérieur de la réduction, le processus de la parole a l'originalité de se livrer déjà comme pur phénomène, ayant déjà suspendu l'attitude naturelle et la thèse d'existence du monde». – «Рассмотренный с чисто феноменологической точки зрения, т. е. в редукции, процесс речи поистине уже являет собой чистый феномен, как уже прекративший естественное отношение (в переводе Хёриша это выражение звучит как «видимость природного» (Anschin des Natürlichen) – *Прим. пер.*) и экзистенциальный тезис мира» (*Деррида Ж.* Указ. соч. С. 105).

¹⁵ *Ibid.* S. 96 (144): «La réduction phénoménologique est une scène». – «Феноменологическая редукция (в переводе Хёриша – «феноменологическая речь» – *Прим. пер.*) – это сцена, театральные подмостки (scène)» (*Деррида Ж.* Указ. соч. С. 114).

компетентным обращением с собственной системой сокращений: сначала переводчик сократил *Reduction* до *Red.*, а затем легким дуновением неверно направленного духа эта (мертвая) точка превратилась в олицетворенное телесно-круглое «e». Подобное может случиться в отдельных случаях и объяснимо как единичная ошибка. Но сумма ошибок этой книги позволяет сделать вывод о недостаточном знании дела переводчиком и редакцией¹⁶. Мне нетрудно было бы привести примеры других неудачных или во многом неверных переводов – различных переводчиков, издательств и авторов, предъявляющих самые различные требования¹⁷. Однако здесь речь идет о несколько ином. Для меня остается загадкой, почему к переводам все же питается нерушимое доверие. Юрген Хабермас (о котором, разумеется, известно, что он не знает французского языка) работал с переводом книги Деррида Хёришем, как и многие другие¹⁸. Я считаю, что в повседневной философской и гуманитарной практике господствует наивный позитивизм в отношении статуса переводов. Они считаются эквивалентами, приемлемыми субститутами (*Ersatz*) недоступного оригинала, на которых можно выстраивать массивную критику Деррида, как это делает Хабермас. Кто-то, возможно, согласится, что более легкий доступ к субституту мы приобретаем ценой известной потери тонкостей, точности и остроты. Однако в целом эта проблема вроде бы особо не осознается. Перевод признается более или менее техничным образцом, который при соответствующей компетенции должен привести к своего рода удовлетворительной копии, сохраняющей, в общем и целом, информационную содержательность оригинального произведения.

Однако здесь я не хотел бы упрекать в наивности тех, кто даже не может себе представить степень неряшливости многих переводов. Ско-

¹⁶ К которым, в случае Хёриша, помимо различных неточностей и упущений прибавляется еще и то, что переводчик, поскольку поиск оригинального текста оказался для него накладным, предпринял собственный обратный перевод гуссерлевского текста: «Произнесенное до нас имя напоминает нам о Дрезденской картинной галерее. [...] Мы пересекаем залы. [...] Картина Тенирса [...], изображает картинную галерею. [...] Картины этой галереи сами показывают картины, которые имеют подписи [inscriptions] и могут быть дешифрованы etc.» (*Ibid.* S. 117 (165)). В оригинале этот текст звучит так: «Произносят какое-то имя, и оно напоминает нам о Дрезденской галерее... мы бродим по залам и останавливаемся перед картиной Тенирса, изображающей картинную галерею... Если бы – прибавим к этому – картины, изображенные на картине, в свою очередь изображали картины, да еще так, чтобы можно было прочесть подписи под ними... и т. д.» (*Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии.* Т. 1. М.: ДИК, 1999. 2-е Изд. / Пер с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. М.: Академический проект, 2009. Гл. 4. § 100.

¹⁷ Ср. другой, не менее грубый случай: *Eine Nachbemerung zu Gabrielle Hiltmanns Besprechung zweier Bücher von Julia Kristeva // RISS. Zeitschrift für Psychoanalyse.* Freud. Lacan. 11. Jg. 1996. Nr. 33/34. S. 169–178.

¹⁸ Ср. *Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М. М. Беляева и др. М.: Весь мир, 2003. С. 178 сл.*

рее, я хочу показать, что и хорошие переводы также обречены на неудачу, хотя могут при этом остаться удачными. И происходит это именно потому, что нет базовой предпосылки, которая эксплицитно или имплицитно принимается всеми, кто не видит в переводе проблемы *sui generis*¹⁹, — и здесь я вынужден возвратиться к философии языка: не существует выделения своего рода идеального зерна, объективируемого содержания, которое переключивается из одного языка в другой, представляя лишь в новом одеянии. Эта в конечном счете технологическая модель кодирования и декодирования требует своего рода идеального языка, чистого языка идей, который еще называется *над-* или *доязыковым*. Однако, насколько я знаю, сегодняшней философии языка нет дела до такого представления. Ближе всего, возможно, к ней стоит Якобсон 50-х годов, который в своей статье «О лингвистических аспектах перевода» («On translation»), прибегая к кодовой модели, намеревается выявить различия между языками через сопоставительные двуязычные словари и грамматики. Он высмеивает постоянно всплывающую «догму непереводаемости»²⁰, вернее говоря, сохраняет непереводаемость *per definitionem*²¹ сферы «поэтического искусства»²².

Это следствие неизбежно, если делать передачу информации мерой перевода. Таким образом, это следствие представляет собой инверсию и переоценку базовой гипотезы в виде того чрезвычайно мощного по воздействию образца, который мы находим у Шлейермахера. Для него перевод (*Übersetzen*) начинается только тогда (и отличается тем самым от устного перевода (*Dolmetschen*), когда речь больше не идет о «предметах и действиях», которые «могут быть определены», а «где преобладает мысль, опирающаяся на речь, а не на дело»²³. Потому что именно там мы впервые приходим к тому, что «свободно мыслящий духовно самодействующий человек (создает) для себя язык», так что, с одной стороны, «свободная своеобразная комбинаторная авторская способность, а с другой стороны — дух языка с запечатленной в нем системой восприятий и оттенков душевных настроений, представляют собой все то, над чем предмет никоим образом не властен». Однако, несмотря на это отличное от Якобсона определение задачи переводчика, у Шлейермахера происходит то же самое различие между модусом объективируемого и поэтому беспрепятственно переводимого языка и тех текстов, в которых уже «в оригинале выступил автор»²⁴.

¹⁹ Специфической, в своем роде. — *Прим. ред.*

²⁰ Ср. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 18.

²¹ По определению (*лат.*) — *Прим. пер.*

²² Там же. С. 24.

²³ Шлейермахер Ф. Указ. соч. С. 130. Последующие цитаты также взяты из этого текста.

²⁴ Здесь, конечно, больше вопросов, чем ответов, на которые я сейчас не буду отвлекаться. Однако и сейчас можно судить о том, почему ровно 20 лет назад Манфред Франк хотел подчеркнуть это обозначенное диалектическое понимание отноше-

Шлейермахер также обратил внимание на условия возникновения самого вопроса перевода и связанной с ним методологической дискуссии. Как известно, он внес значительный вклад²⁵ в последнюю различием двух приемов, а именно направлением писателя к читателю и наоборот. Доступ к чужеродности другого языка возлагается им только на второй модус, тогда как первый пытается стереть следы другого языка. Итак, по Шлейермахеру, вопрос перевода и методологическая дискуссия возникают только тогда, когда выполнены определенные «инфраструктурные» требования, которые сегодня можно было бы обозначить как «переводческую культуру»: «... склонность к переводу впервые может возникнуть тогда, когда среди образованной части народа распространена известная способность обхождения с иностранными языками». Я хотел бы усилить этот момент и обратить его в другом направлении: нельзя сказать, что «переведение» (Übersetzen), отдельный перевод (Übersetzung) не имеют ни предпосылок, ни последствий. Переводы всегда присоединяются (утверждая, исправляя или отклоняя) к уже существующим переводам, дописывают или переписывают их: это и переводы с родного языка и на него, экспорт как импорт, а также вторичный импорт и экспорт.

Исходя из этого, по моему мнению, переводчик философских текстов должен знать и следить за тем, что называется историей переводов. Это можно прекрасно продемонстрировать на примере французских философов, которые стали известны у нас под маркой экзистенциализма, структурализма, постструктурализма и деконструкции (с не всегда отчетливыми границами этих течений и их преодолением) и отчасти лишь возвратили то, что они, более или менее кропотливо, но с некоторой самоуверенностью, позаимствовали из философии немецкого языкового пространства. Особое внимание я уделяю Жаку Деррида, который сделал себе имя не в последнюю очередь как читатель и интерпретатор Гуссерля и Хайдеггера, Канта и Гегеля, Фрейда, Когена, Бенямина и других. Он описал способ, которым читает Гуссерля, следующим образом: «Nous essaierons néanmoins de proposer des solutions qui se tiendront à mi-chemin entre le commentaire et la traduction». — «Тем не менее мы постараемся предложить решения, располагающиеся на полпути между комментарием и переводом»²⁶. Оказывается, что

ния творческого субъекта и языка как системы, как более гуманной альтернативы семиологическому структурализму Соссюра; см.: *Frank M. Das individuelle Allgemeine. Textstrukturierung und -interpretation nach Schleiermacher.* Fr.a.M.: Suhrkamp, 1977.

²⁵ Блистательное изложение и аналитическое прочтение доклада Шлейермахера см.: *Frey H.-J. Der unendliche Text.* Fr.a.M.: Suhrkamp, 1990. S. 25 ff.

²⁶ *Деррида Ж.* Указ. соч. С. 30 (Перевод несколько изменен. — *Ред.*). Перевод Йохена Хёриша делает это предложение однозначным и в то же время неточным: «Мы должны [sic!] будем однако позаботиться о том, чтобы предложить решения, которые сообщаются [sic!] на полпути [sic!] между комментарием и переводом» (С. 69).

понятие перевода у Деррида не остается без влияния этого «на полпути»; на это указывает по меньшей мере то определение, которое он дает понятию перевода: «Et la traduction serait, comme elle doit toujours l'être, transformation d'une langue par une autre». — «И перевод будет, как это и должно быть, преобразованием одного языка другим»²⁷. Для того чтобы показать, как это соотносится с превращением, трансформацией посредством перевода, можно было бы просто проследить путь одного слова, возможно, не очень любимого самим Деррида²⁸: оно изначально вводилось как перевод немецкого слова *деструкция*, чужеродного для немецкого языка (и от этой пресловутой чужеродности этого слова немецкому, прежде всего, философскому языку, вряд ли что-то зависит). Оно, это слово, было не только обратно переведено, но в то же время пришло к нам в непереуведенном переводе — в виде *деконструкции*, отсылая нас тем самым к текстам, в которых должна быть вымерена разница между двумя словами и объектами, из которых одно должно быть лишь переводом другого. Качество трансформации, произошедшее здесь в (несостоятельном) обратном переводе, в обратном переводе через не-перевод, требует комментария. В переводе не существует эквивалентности.

Речь защитника истории перевода

Однако вместо того, чтобы заниматься непростым вопросом о том, как французское *déconstruction* относится к немецкому *Destruktion*, а также французское *déstruction* к немецкому *Dekonstruktion*²⁹, я последую здесь другим, более наглядным путем: известно, что особенно история переводов Хайдеггера является историей поисков с различными ошеломляющими решениями и поворотами. При этом вовсе не следует высмеивать первые переводы: «Dasein» как «réalité humaine» или «Geworfenheit» как «déréliction», что само по себе означает покинутость, — они являются подчас серьезными, хотя и с необходимостью окрашенными

Если бы Хёриш держал перед глазами эту максиму Дерриды в своем собственном переводе, он, возможно, смог бы избежать бессмыслицы с «трансцендентальной кафедрой» (См. выше, сн. 12).

²⁷ Derrida J. La différance // Marges de la philosophie. Paris, 1972. P. 15; Нем. изд.: Die différance / Übers. v. Eva Pfaffenberger-Brückner // Randgänge der Philosophie, Wien: Passagen 1988, S. 40 (Перевод слегка изменен); рус. Различание // Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. С. 389.

²⁸ Ср. Ponctuations: le temps de la thèse // Derrida J. Du droit à la philosophie. Paris: Galilée, 1990. S. 452; Нем. изд.: Punktierungen: die Zeit der These / Übers. Hans-Dieter Gondek // Hans-Dieter Gondek, Bernhard Waldenfels (Hg.). Einsätze des Denkens. Zur Philosophie von Jacques Derrida. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1997. S. 32.

²⁹ Ср. по этому поводу мои статьи: Textualität; Dekonstruktion // Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. X. 1999; Dekonstruktion // Enzyklopädie der Philosophie / Hg. v. Hans Jörg Sandkühler. Hamburg: Meiner, 1999; и Destruktion/Dekonstruktion // Lexikon der Phänomenologie / Hgg. v. Helmut Vetter. Stuttgart: Kröner, 1999.

интерпретацией попытками освоения. Не стоит пренебрегать ими или высмеивать их, как и раннюю подражательную попытку перевода термина Деррида «différance» через «Differänz»³⁰.

Итак, нужно знать, что «заброшенность» (Geworfenheit) около 1930 года переводилась как «déréliction» — между тем как сегодня для этого используют «être-jété». Мне известен по крайней мере один случай, а именно перевод текста Жака Лакана «Индивидуальный миф невротика»³¹, в котором по неведению выбирается ложный путь. То, что переводчик вынужден разбираться в принципиально не завершаемых контекстах, так что от него требуется виртуально энциклопедическое знание (никоим образом, однако, не оплаченное), — это один аспект. Однако мне здесь приходит в голову и другой аспект, и он важен именно в связи с тем, что означает *деконструкция*: данное контекстуальное освоение не может и не должно означать, что во время повторного нахождения исходного слова и возвращения его на свое законное место опять затягиваются раны несоответствия, несоизмеримости, раскрывшиеся в переводе. Когда «заброшенность» переводится и цитируется — в данном случае Лаканом — лишь как «déréliction», происходит контаминация, взаимоналожение и напластование двух полей значений, в результате которых хайдеггеровский текст вписывается в другой язык, на который он переводится, — может быть, не будучи там правильно принятым, и, по-видимому, не задев и не изменив сам язык перевода. Впрочем, об этом трудно судить. Ведь, возможно, именно неуместность слова «déréliction» оказывает переформирующее, преобразующее, трансформирующее воздействие, и притом не столько в смысле дословного соответствия — с этой точки зрения мы немного выиграем, оставив слово из языка оригинала неизвестным в языке перевода, — сколько в смысле напряжения между переводом и непосредственным округлением слова «заброшенность» в утвержда-

³⁰ Кстати, в этом последнем случае я считаю довольно досадным, что после многих лет, на протяжении которых огромное количество переводчиков достигли соглашения о «différance» и этот термин стал почти словарным, это некрасивое по своему звуковому и буквенному образу существительное в переводе Spectres de Marx («Призраки Маркса») опять пробивает себе дорогу. Правда, только в первом издании 1995 года, т. к. в переработке 1996 года — одном из редких случаев, в котором издательство опубликовало модифицированный перевод — «Differänz» заменено на «différance». Ср. *Derrida J. Spectres de Marx. Paris: Galilée, 1993; Нем. изд.: Marx' Gespenster / Übers. v. Susanne Lüdemann. Fr.a.M.: S. Fischer, 1995; 2. korrigierte Auflage, 1996. Рус. пер.: Деррида Ж. Призраки Маркса. М.: Logos altera, 2006.*

³¹ Übers. v. Lucienne Demoisoy и Christiane Schrübbers // *Der Wunderblock. Zeitschrift für Psychoanalyse. Nr. 5/6. Dezember 1980. S. 66 f.*: «Субъект всегда имеет предвосхищающее отношение к своему собственному осуществлению, которое он сам отбрасывает на уровень глубокой недостаточности, и свидетельствует о разрыве, изначальной разорванности, раздробленности [здесь можно было бы вставить *заброшенность*], чтобы снять хайдеггеровский термин». Следует, впрочем, отметить, что это превосходный перевод.

емом Деррида смысле. Однако это нельзя предсказать заранее. Существует «продолжающаяся жизнь» (Fortleben) переведенного оригинала в языке перевода, и эта «продолжающаяся жизнь» обнаруживается, прежде всего, в неукоснительном требовании последующего перевода, преобразованного перевода. Во всяком случае, так это понимает Вальтер Беньямин: «Ибо в своей дальнейшей жизни (Fortleben), которая не имела бы права называться так, если бы не означала изменения и обновления живого, оригинал меняется. Ведь даже для раз и навсегда установленных слов существует некая пора созревания»³².

При желании отдать должное этой «дальнейшей жизни» и происходящим в ней преобразованиям, простой обратный перевод оказывается ненадежным. Потому что когда в (обратном) переводе без намеков и замечаний восстанавливается старое слово, в данном случае «заброшенность», то скрывается само событие перевода, которое познало это слово, прежде всего, посредством его передачи через «*déréliction*»³³. Выходит так, как будто это событие перевода остается без послед-

³² См.: Беньямин В. Задача переводчика / Пер. Е. Павлова // Учение о подобии: меди-аэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 259. Я думаю, что Поль де Ман оказывается на ложном пути («*chemin qui mène nulle part*»), когда соотносит «*Nachreise*» («дозревание») и «*Spätlese*» («поздний сбор»), и исходя из этого делает следующий вывод: «Перевод относится не к жизни оригинала, потому что оригинал уже мертв, но к жизни оригинала после смерти, тем самым допуская и подтверждая его смерть. Слово *Nachreise* (дозревание) оказывается из того же ряда, или ему приходится иметь дело с понятиями из того же ряда; оно означает ни в коем случае не процесс созревания, здесь скорее имеется в виду взгляд из настоящего в прошлое, на процесс созревания, который давно закончен и больше не повторится» (*de Man P. Schlußfolgerungen: Walter Benjamin «Die Aufgabe des Übersetzers» // A. Hirsch (Hg.). Übersetzung und Dekonstruktion... S. 198; Рус. пер. Д. А. Иванова: de Man П. Вместо заключения: о «Задаче переводчика» Вальтера Беньямина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 5*).

³³ Это не противоречит высказанной мною выше критике перевода Хёриша «*attitude naturelle*», «естественной установки», как «кажмости естественного». Видимо, Хёриш никогда не знал, что «*attitude naturelle*» является квазиконвенционализированным переводом «естественной установки». В любом случае его перевод через «кажмость естественного» восходит своим понятием не к соответствующей работе Деррида, как и в случае с переводом гуссерлевского термина «значить» через «*vouloir-dire*». Этот перевод передает немецкое слово с сильным акцентом на трансцендентально-субъективное *считать* и тем самым в созвучии с *феноменологическим голосом*, установленным Деррида против Гуссерля. Здесь представлено отступление, перевод, который одновременно является комментарием и тем самым сдвигом относительно оригинала, который в немецком языке должен быть соответственно передан, снабжен примечанием. Однако другие переводчики Деррида показали себя как еще менее чувствительные в этом отношении. Так, переводчики *De la grammatologie* Ханс-Йорг Райнбергер и Ханнс Цишлер просто убрали ссылку на происхождение перевода, сократив «*Nous justifions cette traduction de Bedeuten par vouloir-dire dans La voix et le phénomène*» (*De la grammatologie. Paris: Minuit, 1967. P. 71. Anm. 10*) таким образом: «К проблеме *vouloir-dire* cf. Ж. Деррида, *La voix et le phénomène*, PUF, 1967» (*Grammatologie. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1974. S. 85. Anm. 10*). Сокращенная фраза Деррида: «Мы обосновываем перевод немецкого *Bedeuten* [“зна-

ствий, во всяком случае, нейтральным по отношению к оригиналу, как будто можно без искажения смысла восстановить исходное слово в каком-либо другом языке и возвратить его оттуда в свой исконный, родной язык. Притом, что это слово, заметим попутно, часто совсем не так однозначно относится к исконному, или, если еще сильнее акцентировать это слово — к родному языку. Возьмем «заброшенность» (Geworfenheit) — несмотря на известное сродство, присущее всем словам, образующимся через номинализацию посредством суффикса «-heit» — слово «однозначно» немецкое. И все же оно несет в себе следы другого языка, идут ли они от «jet», «jectum», от броска (Wurf) или луча (Strahl) (не обязательно броска игральной кости или семени, бессмысленно и случайно разбросанных, рассеянных то тут, то там), в первую очередь, однако, от покорности (Unterwurf) и противоброска (Gegenwurf). «Заброшенность» может быть понята только как реакция, ответ на то, что противопоставляется, противопоставляется немецкому языку в словах «субъект» и «объект» — как язык и мышление. Вообще, обычно используемым и распространенным вплоть до XVIII века переводом «объекта» был «Gegenwurf», а не «Gegenstand» (предмет)³⁴. В определенной степени «заброшенность» является переводом на немецкий язык, оседанием в немецком языке — тем, что должно было быть обдумано и тем самым истолковано для того, чтобы в немецкий язык смогли перейти слова *субъект* и *объект*. Хайдеггер при этом идет еще дальше и нападает, отвергает возможность говорить о субъекте и объекте: Dasein. Между тем тот факт, что Dasein больше не переводится на французский язык, а принимается как данное иностранное слово, показывает только одно: что пограничный случай «перевода через не-перевод» должен добиться признания, что непереводаемость выражения должна быть доказана многочисленными неудачными попытками перевода. О «différance» Деррида — несмотря на последнюю неудачу³⁵ — можно судить точно так же.

Эта внесенная в слово «заброшенность» наследственная связь теряется при его переводе как «déréliction», «потерянность». Перевод поддерживает (намеренно или нет — остается под вопросом) экзистенциалистское толкование Хайдеггера, которое привносится благодаря переводу Dasein как «réalité humaine», «человеческой действительности». И вполне возможно, что *заброшенность* в виде «déréliction» впервые стала интересна только Лакану. И все же этот перевод не неверен, не является пустым местом, от него нельзя просто отмахнуться, как от заблуждения. Благодаря ему не просто вырисовывается сущностная, действительная трудность перевода, но и необходимость перевода. Потому что

чить”] французским vouloir-dire [“хотеть-сказать”, в смысле “подразумевать”: что ты этим хочешь сказать?] в работе “Голос и феномен”».

³⁴ См. «Objekt» в Historisches Wörterbuch der Philosophie. Bd. VI. 1984.

³⁵ См. выше сн. 31.

на его примере, как и на примере многих других переводов, становится очевидным, что одного не существует точно: предустановленной гармонии между языками, первопричины или вторгающегося в процесс перевода логоса, который всегда держит наготове своего рода мостик для прыжков через межъязыковые рвы. (Я использую варианты метафоричности, которая была задействована Хайдеггером для размышления о переводе — «переправе на другой берег»³⁶).

Приведенный выше перевод «заброшенности» через «*déréliction*» не утрачивает своей силы, потому что он жил и продолжает жить во времени за счет чистых влияний *Dasein*: оно является «*réalité humaine*», потому что оно есть действительность, которая более не создается из мира. Существует единоличная инертная сила однажды удавшихся переводов, которая не имеет ничего общего с качеством. Это один аспект. Существует и вторая причина, почему этот перевод не является недействительным: поскольку есть банальное заблуждение, ошибочное прочтение, «blackout» или непонимание, которое заключается в том, что в основе процесса перевода, каким бы невежественным ни был результат, лежат размышление и обдумывание альтернативных возможностей, поэтому еще один кажущийся ложным перевод все же содержит в себе момент исходного текста, который сам говорит что-то за текст и о нем. Перевод заключает в себе и расширяет возможности понимания и дальнейшей интерпретации. Но и интерпретация должна позаботиться о сохранении оригинала. Так что никакого расширения в произвольном направлении! В гораздо большей степени можно было бы понять перевод как своего рода тренировку стиля, на которой раскрылось бы что-то типа специфической сопротивляемости различных языков — и различные способы преодолеть их в переводе, что означает считаться с ними, найти *modus vivendi*, уметь с ними обращаться. Определенные интерпретационные возможности тесно связаны с известными сопротивляемостями и впервые разрешаются как раз в переводе. Мне кажется, что это имеет в виду и Деррида, когда он вновь и вновь соотносит «экономии» и «перевод» (временами, это нечто большее, чем сопоставление слов). Так это происходит в «*Journal de bord*» («Бортовой журнал») — сочинении, примыкающем к другому тексту с небезразличным для дела перевода названием «*Survivre*» (выжить), в котором Деррида также дает наставления и предложения по переводу:

24–31 décembre 1977. Ici l'économie, Loi de l'oïkos (maison, chambre, tombe, croupe), loi de la réserve épargnante. Inversion, réversion, révolution des valeurs — la course du soleil — dans la loi de l'oïkos (*Heimlichkeit / Unheim-*

³⁶ Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 55: Heraklit. Fr.a.M.: Klostermann, 1979. S. 55. Ср. по этому поводу мою статью: Das Übersetzen denken: Übersetzen und Übersetzen // Heidegger Studies. 1996. Vol. 12.

lichkeit). J'écris déjà en trois langues et cela devait paraître, en principe, en une quatrième. Questions aux traducteurs, note du traducteur que je signe d'avance: qu'est-ce que traduire? Ici l'économie.

24–31 декабря 1977. Здесь экономия. Закон *ойкоса* (дом, комната, могила, склеп), закон сохранения запасов. Инверсия, переворот, революция ценностей — путь солнца — в законе *ойкоса* (*уют / жуть*) (*Heimlichkeit / Unheimlichkeit*). Я уже пишу на трех языках, и это, в принципе, должно появиться на четвертом. Вопросы переводчикам, примечание переводчика, под которыми я заранее подписываюсь: что значит переводить? Здесь: экономию³⁷.

Различная степень латинизации европейских языков

По моему мнению, слово *экономика* может быть также ответом на мои размышления о различной *сопротивляемости* языков. Речь идет о различиях в сказуемости, о перспективах более легких или искусных выражений, о сокращениях, — дороге, которой позволяют идти другие языки. Дорога, на которой возникает вопрос об *ойкосе*, вопрос «своего», *дома*, отграничения. То, что этот собственный дом языка не является застрахованной собственностью, доказывает пара «*уют / жуть*» (*Heimlichkeit / Unheimlichkeit*).

Однако мне достаточно нити, вытягиваемой из этого переплетения мотивов, размышлений и намеков³⁸: «Я пишу уже на трех языках...». Я хочу осознать эти мысли и в то же время связать их с моими размышлениями об истории перевода. Во-первых, я хотел бы нанести удар в направлении истории понятий — история понятий, которая одновременно является историей перевода, и наоборот, — во-вторых, подойти к разговору о проблеме, с которой я постоянно сталкиваюсь в практике перевода на немецкий язык. Это касается многих языков, которые включены в перевод.

Речь идет о проблеме, которая должна быть здесь обозначена, прежде всего, как проблема различной степени латинизации языков³⁹. Латинский язык вошел в немецкий, был принят и ассимилирован им не так, как он вошел в романские языки, а также — с некоторыми ограни-

³⁷ Derrida J. *Survivre / Journal de bord // Parages*. Paris: Galilée, 1986. P. 120 f.; Нем. изд.: *Überleben / Bord-Journal // Gestade*, übers. v. Monika Buchgeister und Hans-Walter Schmidt. Wien: Passagen, 1994. S. 122 f.

³⁸ В том числе из уважения к Томасу Шестагу, который во многих своих упоминаниях Деррида исследовал слово «*économie*» и также проработал это место; ср. «*économie*» в: Parerga. München: Boer, 1991. S. 160–209, особенно S. 169ff.

³⁹ Впервые я поднял эту проблему в ее непосредственно практическом отношении, в тексте под названием «Инструкция по применению», послесловии к переводу Жака Деррида *La dissémination* (Paris: Seuil, 1972): *Dissemination*. Wien: Passagen, 1995. S. 435–448, особенно S. 437ff. Следующие пассажи являются вариациями сказанного там.

чениями — английский язык. Лишь условно инкорпорированный латинский язык представляет внутри «собственного» языка отдельную переводческую проблему, которая вдобавок ко всему зачастую эмоционально окрашена. Люди бесцеремонно оценивают слова как «иностранные» и выступают против их чрезмерного употребления. Это составляет сложность для перевода, а именно — пограничный момент, в котором всегда можно только проиграть и где не-перевод напрашивается как кажущееся наипростейшим решение: так, «présence» передается через Präsenz, «représentation» — через Repräsentation, и «discours» — через Diskurs. Это не является неверным само по себе или в принципе. Но это в той же малой степени правильно само по себе или в принципе. Потому что «représentation» всегда является — вспомним вновь об истории и традиции перевода — эквивалентом и Vorstellung. Между преемственными культурными языками, в особенности европейскими, существуют прижившиеся и передаваемые из поколения в поколение переводческие отношения, которые принимает во внимание любой новый перевод даже в случае, если он противостоит этой традиции, модифицирует ее или совсем переворачивает. Они порождают квазиконвенциональную «эквивалентность» отношения между Vorstellung и «représentation», которая действительна до тех пор, пока не задаются вопросы о различных возможных значениях участвующих в нем понятий.

«Repräsentation» скрывает в себе потенциал, который лишь в недостаточной степени, а может быть и вовсе не может быть раскрыт с помощью Vorstellung. Если хотя бы вернуть термину Vorstellung временной аспект «représentation» как «Re-präsentation», «повторного осовременивания» (Wiedervergegenwärtigung), то это удастся в лучшем случае через сопутствующий комментарий. Далее «représentation» должна пониматься в смысле «изображения» (Darstellung), «передачи»: временной аспект ре-презентации, повторного осовременивания, (обновленной) передачи не-(являющегося более таковым)-настоящего может до такой степени нивелироваться, что «représentation» просто переводится как «образ». И last but not least, «repräsentation» обладает политическим топом «представительства» (Vertretung) — достаточно вспомнить о представительной демократии или о дипломатическом представительстве и ее репрезентантах.

С другой стороны, видимо, в латинском и французском языках между *repraesentatio* и «représentation» не остается места для немецкого «представления» (Vorstellung), в особенности из-за его происхождения от глагола *stellen* «ставить». Но и это слово находит свое «место» в контексте «représentation»: именно в образе вызова, направленного на французский язык — однако то же самое действует и в обратную сторону для «représentation» и немецкого языка. Опасность в этом можно увидеть только в случае, если придерживаться все того же идеала — несуществующего — закрытого языкового и культурного сообщества; если же поме-

стить, как Деррида, бытие «одного» языка в множественность языков⁴⁰ и тем самым в постоянное многообразие различных переводческих событий, такой вызов можно только приветствовать.

Невозможно и неправомерно обходить вниманием колоссальное историческое значение латинско-немецкого перевода, отношения между *re-presentation* и тем *stellen*, которое присутствует в *Vorstellung Darstellung* и *Gestell*. На протяжении столетий философ любой языковой принадлежности, как только он задается вопросом о *re-presentation*, представлении и изображении находится по обеим сторонам границы, по обоим берегам Рейна, оказывается достигнут уже и постоянно общим совместным роком, эгоистическим сожительством, контаминацией и загадочными общностями в переводе этих двух лексиконов, постигая, удивляясь, повторяя и двигаясь дальше.⁴¹

Это оставляет немецких переводчиков наедине с проблемой, для которой в действительности нет эквивалента во французском языке, по крайней мере, настолько ярко выраженного: перевод через «репрезентацию» вместо «представления» помещает иностранное слово в то место, где во французском языке стоит термин, используемый сам по себе как в повседневной речи, так и в прикладном языке. Характер текста, таким образом, меняется. Немецкий переводчик должен принять решение, которое не требуется в оригинальном тексте. А именно потому, что в философских трудах последних тридцати лет, которые пришли к нам из французского языка и были переведены, такие базовые термины, как «*présence*», «*représentation*», «*discours*», были поставлены под сомнение и переосмыслены заново, — эти термины в связи с невозможностью ни оставить их непереоделенными, ни снабдить комментарием, который обнажает эти переработки, в итоге скорее вынужденного решения, чем из уверенности в его правильности, были заменены якобы прямыми «эквивалентами»: *Präsenz*, *Repräsentation*, *Diskurs*.

Разнообразие языков: в начале был перевод

Как мыслить многообразие, разнообразие языков? И прежде всего: на какую ступень конституирования нужно его поместить? Многообразие языков как исходная точка разбивается о собственную кажущуюся закрытость, о закон ойкоса (касаемо жути, которую нужно вы-

⁴⁰ Ср. «определение» *деконструкции*, которое Деррида дает в *Mémoires — pour Paul de Man*: «plus d'une langue» — «больше, чем один язык / не более, чем язык» (Paris: Galilée, 1988. P. 38; Нем. пер. Hans-Dieter Gondek. Wien: Passagen, 1988. S. 31).

⁴¹ *Derrida J. Envoi // Psyché. Invention de l'autre*. Paris: Galilée, 1987. P. III. [«Envoi» является названием доклада, представленного в июле 1980 в университете Страсбурга на открытии XVIII Конгресса франкоязычных философских обществ, темой которого была «La représentation».]

теснить). Идиома, *idioma*, привычка: «Каждый народ верит в непреложность своей идиомы. Человек, который не говорит на его языке [langue], будет сразу же считаться неспособным к речи (*barbaros — bulbutire — bégayer*)»⁴². Это пишет языковед, который, как правило, находится в лагере информационно-технического объективизма, даже если он жил в то время, когда кодирование происходило с помощью азбуки Морзе. Речь идет о Фердинанде де Соссюре, чья теорема произвольного отношения между означающим и означаемым, между понятием и знаком была понята семиологическим структурализмом именно как отвечающая кодовой модели информационной теории. Йоханнес Фер в своей редакции фрагментов его наследия, дополненных внушительным комментарием, очевидным образом показал, что этот образ Соссюра должен быть пересмотрен. Прежде всего, речь идет о понятии *langue*.

В *Cours de linguistique générale*⁴³, посмертно опубликованном учениками Соссюра в 1916 году собрании лекций, которые станут одним из основных трудов лингвистического и философского структурализма во Франции 60-х годов, «langue» появилось как *Deus ex machina*⁴⁴, который следовало принять как основное понятие и устойчивый исходный пункт. Однако в отношении наследия Соссюра нужно показать, что для него «langue» в лучшем случае представляет собой «далекую цель языкознания», «своего рода точку схода на горизонте мышления» (F 90). До сих пор нет договоренности о том, по какому праву можно использовать «langue» в единственном числе. Потому что в первую очередь нужно исходить из совсем другого факта или данности: неистребимого многообразия языков. Соссюр хочет отдать должное этому многообразию, и на как можно более ранней ступени конституции языкознания. Кроме того, языкознание сначала должно освободиться от требования, которое сохраняется в логике, философии и психологии языка: подчиненный характер всеобщей антропологической речевой деятельности (*langage*) (F 60).

Далее из этого следует: ничто не выделяет один (например, национальный) язык в сравнении с другим. Если к этому отнестись серьезно, тогда каждое начало в одном языке является лишь произвольной договоренностью, которая снимается только тогда, когда признается, что *каждый* язык, что *весь* (все) язык(и) покоится / покоятся на прин-

⁴² de Saussure F. Linguistik und Semiologie. Notizen aus dem Nachlaß. Texte, Briefe und Dokumente / Gesammelt, übersetzt und eingeleitet von Johannes Fehr. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1997. S. 513.

⁴³ Ср. русское издание: «Курс общей лингвистики» (М.: Логос, 1998).

⁴⁴ Ср. Fehr J. Saussure: Zwischen Linguistik und Semiologie. Ein einleitender Kommentar // de Saussure F. Op. cit. S. 73. Дополнения как в угловых, так и в круглых скобках уже находятся в оригинале. Начиная отсюда, цитатные ссылки приводятся прямо в тексте, при этом оговоренный знак S обозначает рукописи Соссюра, а знак F — введение J. Fehr.

ципальной *произвольности* (*arbitrarité*), то есть на «неразумии» (S 318)⁴⁵. Вследствие этого Соссюр основывает все представления на изначальной институции языка, установлении через искусство общественного договора (неважно, имеется в виду довавилонский или национальный акт поддержки). Уже принятие их в качестве воображаемой точки схода усилило бы неверную ориентацию, которой придерживается языковедение, понимающее себя антропологически. Если язык все же должен быть понят как институция, то тогда в приведенном смысле «чистой институции», «институции без *аналогии*», которая в отличие от правовых, политических или моральных институций не основана на «естественных потребностях» (S 314).

Далее Соссюр, по Дж. Феру, рассмотрел множество и разнообразие языков «как нечто <...> принадлежащее к определению языка или самого языкового» (F 63). После чего географическое разделение языков не может считаться чем-то внешним языку, «langue» (F 82, S 386f.). Распределение языков в пространстве является в действительности следствием постоянного изменения языков во времени (F 87, S 251), изменения, которое осуществляет себя в разных формах, через «разделение» (F 84; S 271, 389, 416) и дальнейшую «диверсификацию» (S 251, 389) языков. Но нулевого пункта, который лежит в основе этой постоянной трансформации, все же не существует (S 296, 416).

Соссюр заходит даже до того, что отказывается от таких выражений, как материнские и дочерние языки, или метафор рождения или смерти языка (кроме насильственной и вызванной внешними причинами). Так, он утверждает, что французское слово «chanter» родственно латинскому *cantare* или происходит от него: «cantare» и «chanter» являются, несмотря на исторические индексы, одним и тем же (S 253). Это то самое различие, которое я обозначил как различную степень латинизации языков, в особенности французского языка в сравнении с немецким. В соответствии с этим в переводе с французского на немецкий и обратно встречаются две традиции латинского языка: одна представляет собой, по крайней мере по Соссюру, результат продолжающейся трансформации латинского языка, в другой традиции латинский язык в конце изменчивой истории, на протяжении которой были осуществлены великие переводческие проекты, терпеливо, но недоверчиво оглядываясь, становится привилегированным для культурных и научных дисциплин. Проблема перевода является таковой внутри «своего»

⁴⁵ Об «иррациональности» языков с той же самой позиции говорил уже Шлейермахер. Ср. *Шлейермахер Ф.* Указ. соч. С. 130. «Уточним, что понимание пресловутой произвольности связи означаемого и означающего, как и самого понятия „произвольности“ в лингвистике, восходящее к Ф. де Соссюру, сверхопределено произволом не только переводчиков, но и толкователей. „Arbitraire“ во французском языке Соссюра означает, прежде всего, не „волевое“, тем более, не „произвольное“, в смысле радикальной субъективности, а просто-напросто „немотивированное“, в смысле отрицания этимологизирования». — *Прим. ред.*

языка в той мере, в которой он оказывается не столь уж своим, так как «закон дома» (*oikonomia*) делает недоступными путь наружу, изменения, торговлю и т. д.

По тем или иным причинам, но Соссюру не удалось написать фундаментальный труд, которого так ждали его современники. Вместо этого посмертно был опубликован *Cours de linguistique generale* из записок учеников Соссюра. Фер предполагает, что неспособность Соссюра написать этот труд связана также с тем, что ему не удалось перейти от перспективы *langues* во множественном числе к единственному *langue* и обосновать это единственное число. Издатели *Cours* безо всяких оговорок ввели «*langue*» в качестве по определению основного понятия и тем самым скрыли соссюровскую проблему (ср. F 75ff.).

Перевод с немецкого Анны Рябовой